

"Когда я уйду, я оставлю свой голос..."

О дружбе Бориса Слуцкого и Анатолия Аграновского

Замечали ли вы, насколько, увы, привычно стало нам все дурное. И забывать как-то стали, что существуют, существовали же когда-то на земле теплые, щедрые, дружеские отношения...

Не ждите от воспоминаний вдовы известного журналиста, драматурга и писателя Анатолия Аграновского чего-то «задакого», сенсационно-крикливого. Этр тихий, но очень человеческий рассказ о дружбе, которая связывала двух прекрасных людей...

1957 год. С волнением ждем распределения квартир на Ломоносовском проспекте. Живем в коммунальной. Соседей — семнадцать семей. Нас уже четверо, младшему сынишке год. Комната наша — 10 с половиной метров. Приведу несколько строчек из письма мужа, посланного мне в деревню, где жду я вестей о решении нашей жилищной судьбы: «...На отдельную квартиру нам нечего рассчитывать, слишком много классиков, а вот кого Бог пошлет в соседи — важно. Очень хотелось бы заполучить Борю Слуцкого — предел мечтаний, но его уже «захватил» Гриша Бакланов...».

С осени этого 57-го года и началось наше близкое знакомство с Борисом. Стихи его любил, расположение его к себе чувствовали. И только. А стали соседями, поселились в одном доме — сблизились, подружились. Телефонов в новом доме долго не было, а точнее, были только у «классиков». Потому не считалось неудобным зайти друг к другу запросто, без предупреждения. Так и пришли Борис с Таней посмотреть полки книжные, которые мастерил нам доморощенный столяр. Были одобрены полки, дети, угощение. Сидели Слуцкие в тот вечер долго. Нам очень приглянулась Таня. Собой хороша, держится просто. Что я и не преминула сказать Боре на следующий день, встретив его во дворе. На это он, усмехнувшись в усы, произнес: «Долго выбирал».

Сейчас, по прошествии тридцати лет, хочется и нужно вспомнить все связанное с Борисом и Таней. Очень они красивой были парой. Женственная, изящная Таня мужественный, скульптурный Борис. Не про них ли сказано в сказке: «Они жили долго и умерли в один день...». Боря умер в один день с Таней, то есть еще существовал он, но уже не жил... Живым я его видела последний раз на похоронах Тани, а после уже нет.

Но до этого дня прошли годы, месяцы, дни нашей молодости, счастья, здоровья.

В день, когда ее не стало, он позвонил и попросил приехать проститься с ней. На улицу Цюрупы, в Институт морфологии, в морг. Мы с мужем были потрясены его мужеством, собранностью, способностью заниматься хлопотами, связанными с похоронами. Видно, на это и ушли его последние силы, физические и душевные...

Борису нравились песни, которые сочинял и пел муж. Они с Таней были, что называется, благодарными слушателями. Да и поэты, которых пел муж, были «штучные», по словам Бориса.

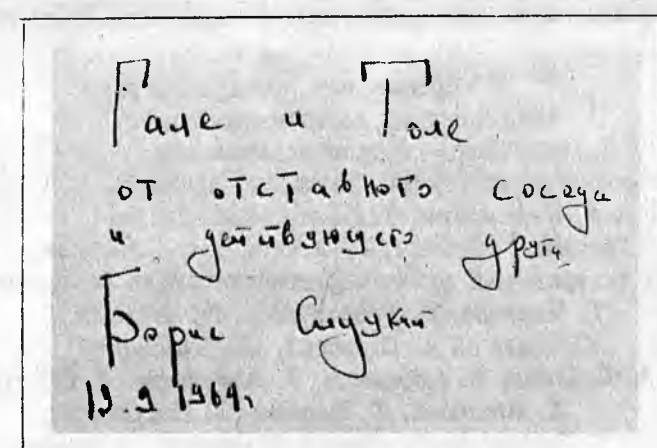
Собирались у нас друзья не к дате, просто посидеть. Друзей было немного, а все же человек пятнадцать садилось за стол. Надо и то отметить, что везло нам на друзей — все те же, и с теми же женами...

Сначала ужин, немного закусок и выпивки (не в привычке было пить много), а затем традиционная баранья нога, запеченная с чесноком. Вот уже унес баранью кость наш любимец Джонни, дворняга, проживший у нас восемнадцать лет. Муж называл его «интеллигентом в первом поколении». Когда Борис чесал пса за ухом, а тот грыз кость, я останавливала Бору: «Тянет он тебя, оставь, он же с костью...». Борис только усмехался: «Интеллигент интеллигента не тянет!..».

Отужинали, потрепались, обсудили последние новости. Уже нетерпеливо ждут гости, когда же муж возьмет гитару. «Что сидишь? Давай, отработай ужин!» Муж не спеша вставал из-за стола, снимал со стены гитару, настраивал ее, приговаривая: «Негодяи, забыли, кто у кого в гостях! Еще и пой им...».

И вот уже первые аккорды и Пастернак: «Засыплет снег дороги, завалит скаты крыш...», и еще Пастернак: «...Свеча горела на столе, свеча горела...» А дальше уже заказы: «Кедрина!» —

«Нет, сначала Самойлова!» Слуцкий останавливал: «Не давите на него, пусть сам выбирает...» А вскоре и сам просит: «Толя, спой Межирова «Артиллерия бьет по своим...» Борис всегда просил именно Межирова сначала, а потом Тарковского «Вечерний, сизокрылый, благословенный свет, я словно из могилы смотрю тебе вслед...» А на словах Кедрина «Когда я уйду, я оставлю свой голос...» он вскакивал и начинал нервно ходить взад и вперед, пока Таня не останавливала его, тихо говоря: «Сядь, успокойся, ты мешаешь...».

«Когда я уйду, я оставлю свой голос...» он вскакивал и начинал нервно ходить взад и вперед, пока Таня не останавливала его, тихо говоря: «Сядь, успокойся, ты мешаешь...».

И настал день, когда Слуцкий сказал мужу, что бьется об заклад: на его стихи не удастся тому сделать песню. «Я не песенный, тут тебе слаба!..» Я честно предупредила Бориса, чтоб не закладывался, проиграет. Я-то уже знала и слышала, на нас, домашних, Толя уже «спро-бовавал»: «Орден» теперь никто не носит, планки носят только чудачки...».

А тот вечер спелили они руки в закладе при свидетелях, разбили их, назначили срок — месяц. Я попеняла мужу, что нечестно, мол, что ж ты Бору надул, ведь песня-то уже есть. «Ну, какая же это песня? Так, заготовка. Он и впрямь не песенный, проиграю пари...».

Прошло какое-то время,

месяц или больше, встретились мы со Слуцкими в театре «Современник». После спектакля поехали к ним. В этой маленькой квартирке было просторно, ничего лишнего. Мы с Таней посмеялись как-то, что наши квадратные метры не дают нам возможности обставиться старинной мебелью и таким образом проявить свой изысканный вкус и аристократизм. А Борис заметил к этому, что, мол, и так хороши будете, повезло вам, за членов ССП замуж вышли, устроились не хуже других. Таня обещала нам ужин с уткой, а Боря прибавил: «И еще кое-что на десерт...» — «Что?» — «Сюрприз!».

Мы решили, что он будет читать новые стихи. Вот уж действительно будет сюрприз. Редко он баловал нас, говоря: «Стихи глазами надо читать». Оказалось другое: Борис потребует у Аграновского проигранный долг, не получит его и в уплату заставит петь весь вечер по заказу хозяина дома. Но его самого ждал сюрприз.

Пока жарилась утка, муж спел несколько романсов, в том числе и пастернаковский «Стоят деревья у воды...» А потом, через паузу, взял несколько аккордов и начал: «Орден» теперь никто не носит... Надо сказать, что гитара была плохая, как ее аттестовал Борис. «Мосдревовская». Она была куплена Слуцким в магазине «Пионер» на Неглинной задешево на случай прихода к ним Аграновского. Но гитара была не главным компонентом, муж, по его словам, знал «полтора аккорда». Главным были стихи и мелодия и, конечно, слушатели.

На словах «В самом деле, никакая льгота этим тихим людям не дана...» Борис вскочил и зашагал взад-вперед по комнате... Один из гостей, небольшой знаток стихов Слуцкого, спросил: «Это что, кто, чье?» — «Это Слуцкий», — сказал муж.

«Нет, это Аграновский и Слуцкий», — так определил песню Борис. Уходя, в передней муж спросил: «Ну что, проиграл я?» — на что Слуцкий ответил: «Не знаю, я еще не понял. Я должен подумать...».

Наутро Боря приехал. Я напоила их чаем, поговорила о чем-то незначительном, а потом Борис попросил: «Спой еще разок вчерашнее». — «Что именно?» — «Не притворяйся. Знаешь, что...» Я хотела уйти, оставить их вдвоем, но Борис остановил меня: «Не уходи, будешь членом комиссии по приемке». И вот опять звучит: «Орден» теперь никто не носит, планки носят только чудачки, носят так, как будто что-то просят, словно бы стыдясь за пиджаки...».

Борис сидит как-то боком, почти спиной к нам, я не вижу его лица. Кончилась песня. Помолчали. «Еще раз пой», — просит Борис. «Не могу, не получится». — «Ну, тогда дай я тебя обниму. И спасибо тебе за то, что ты все понял!».

И вот звонит Слуцкий, просит Толю, которого нет дома. Деловитым тоном велит мне взять карандаш и записать следующее: «Завтра в 12 часов дня в Театре эстрады будет прослушивание песен Толи. Я уже договорился с директором. В конце месяца будет сольный концерт Анатолия Аграновского. А теперь запиши, что именно он будет петь: Пастернак, все четыре ромansa: Самойлова — обязательно! За Мандельштама и Олейникова я сам буду бороться, может просочиться... Эти песни обязательно! Остальное — как Толя сам решит. Все записала? Я вечером позвоню». — «Что ж ты свои не назвал?» — «Я же сказал, остальное — как решит Толя!» На все на это я ответила: «Бог с тобой, Боря! Это же несерьезно. Неужели ты думаешь, что, даже если бы разрешили, Толя будет петь с эстрады?! Его аудитория — друзья! Я отговорила его в ЦДРИ петь, для маленькой аудитории, на телевидение его приглашали, тоже отговорила. Он и сам понимает, что не для него это. Тут я тебе не союзнница, тут и говорить не о чем». Борис даже рассердился: «Я считал тебя неглупой, все понимающей. Я в тебе ошибся. Когда-нибудь ты будешь жалеть об этом. Вечером позвоню Толе, он сам решит. Надеюсь, он тебя не послушается».

Жалею ли я, что муж меня послушался? Не знаю. До сих пор не знаю...

Галина АГРАНОВСКАЯ.